

Шайхутдинова Айгуль Салимовна

судья,

Никулинский районный суд г. Москвы

4warka@mail.ru

Aigul S. Shaikhutdinova

Judge,

Nikoulinskiy District Court of Moscow

4warka@mail.ru

**Последствия признания виновного заслуживающим снисхождения в
уголовном законодательстве Российской империи**

**The consequences of a conviction deserving of leniency in the criminal
legislation of the Russian Empire**

***Аннотация.** Данная статья посвящена особенностям назначения наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении по законодательству Российской империи с 1864 года по 1917 гг., а также, пределам влияния присяжных заседателей на возможное наказание. Автором проводится анализ принципов смягчения наказания при наличии снисхождения присяжными основания для чрезвычайного снисхождения; рассматривается зависимость степени снисхождения и лестницы наказаний. Им также анализируется влияние вердиктов присяжных заседателей на власть, в том числе, как основание для пересмотра устаревших и неоправданно жестоких законов.*

***Ключевые слова:** наказание, присяжные заседатели, вердикт, лестница наказаний, снисхождение.*

***Resume.** This article is devoted to the specifics of sentencing when the jury verdicts condescension under the legislation of the Russian Empire from 1864 to 1917, as well as the limits of the jury's influence on possible punishment. The analysis of the principles of mitigation of punishment in the presence of leniency of the jury, the basis for extreme leniency is given; the dependence of the degree of leniency and the ladder of punishment is considered. The author analyzes the influence of jury verdicts on the authorities, including as a basis for revising outdated and unjustifiably cruel laws.*

***Key words:** punishment, jurors, verdict, ladder of punishment, leniency.*

Учрежденный судебными Уставами 1864 г. суд присяжных, по мнению многих юристов того времени, явился украшением судебной реформы. В прошлом Россия не имела каких-либо аналогичных институтов и поэтому позаимствовала английскую модель – 1 судья + 12 присяжных заседателей. Вот что пишет Г. Джаншиев: «... Вдруг после всех подобных возмутительных пародий на правосудие является суд гласный, равный для всех без различия сословий, судящий спокойно и без оскорбления человеческого достоинства, без озлобле-

ния и ненависти карающий провинившегося и милостиво прощающий человека, случайно впавшего в преступление. Было от чего прийти народу в радостное изумление, которое все более и более увеличивалось»[4, с.452].

Статьи 804, 814 Устава Уголовного Судопроизводства давали право присяжным признать виновного заслуживающим снисхождения, что обязывало суд (ст.828 УУС) уменьшить наказание виновному не менее как на одну степень. Наказание могло быть уменьшено и на две степени, если суд усмотрел в деле особые обстоятельства, уменьшающие вину подсудимого; более значительное уменьшение его части могло последовать лишь по ходатайству суда перед Императором.

При этом на практике, непризнание подсудимого заслуживающим снисхождения могло оказать влияние на приговор суда и быть основанием к назначению наиболее строго из наказаний.

Смягчая наказание на одну степень при наличии снисхождения присяжных, суд не обязан был приводить основания такого смягчения. При этом смягчение на 2 степени указывало на усмотрение суда, и при наличии такого смягчения, судья должен был указать в приговоре, какие именно, уменьшающие вину обстоятельства, были им учтены. Такими уменьшающими вину обстоятельствами могли быть лишь те, которые принадлежат к числу более или менее общих всем родам преступлений (ст.134, ст.153 Уложения о наказаниях), а не особо уменьшающие вину обстоятельства, предусмотренные ст.755 УСС.

Отдельный вопрос о наличии смягчающих обстоятельств перед присяжными заседателями не ставился, а по ст.814 Устава уголовного судопроизводства ставился на обсуждение ими самими, и если за снисхождение высказывалось 6 человек, то к ответу присяжных присоединяется: «подсудимый по обстоятельствам дела заслуживает снисхождения».

Присяжные призваны были установить виновность подсудимого в предъявленном ему обвинении, и признание в деле наличия обстоятельств, вызывающих снисхождение, есть только выполнение части этой задачи; присяжные могли признать виновного заслуживающим снисхождения лишь на основании обстановки преступного деяния, характера и размеров вреда, личных свойств обвиняемого, насколько они проявились в данном деянии, его отношения к совершенному и т.п.; но они не могли руководствоваться никакими соображениями, не относящимися к преступному деянию и к личности преступника, ни во вред, ни в пользу обвиняемого; они не могли руководствоваться ни соображениями о бесцельности уголовного запрета или о чрезмерной суровости наказания, о возможности вредного влияния его на подсудимого, ни, тем более, какими-либо иными политическими или социальными соображениями. В целом, ряде решений Правительствующий Сенат, начиная с 1867 г., признавал, что право смягчения предоставлено суду независимо от присяжных заседателей, и что поэтому суд может уменьшить наказание на основании ст.774 Устава уголовного судопроизводства, на одну или две степени и в том случае,

когда присяжные не признали подсудимого заслуживающим снисхождения.

Между тем, такое толкование, по мнению Таганцева Н.С., не соответствовало основному началу взаимоотношений прав судей и присяжных. «Установление обстоятельств, уменьшающих вину, относится, несомненно, к определению степени виновности лица, к фактической стороне дела, выяснение коей возложено законом на присяжных, а потому перенесение такого права на судей коронных может быть допущено только в силу прямого указания законодателя, как это и сделано, например, в ст.828 Устава уголовного судопроизводства относительно права суда на уменьшение ответственности на две степени. При осуществлении же взгляда, проводимого Сенатом, может оказаться, что судьи признают существование такого обстоятельства, которое было прямо отвергнуто присяжными, внося, таким образом, в приговор полное фактическое противоречие, как это оказалось, по делу Лашкова, который обвинялся и был признан виновным в убийстве с обдуманном заранее намерением и из засады, причем, присяжные не признали в деле обстоятельств, уменьшающих вину, а между тем, суд применил ст. 135 Уложения и ст.774 Устава уголовного судопроизводства на том основании, что он убил после ссоры и вследствие сильного раздражения, вызванного насильственными действиями убитого. Впрочем, и Сенат не провел вполне последовательно свое воззрение, так как в других решениях, и вполне правильно, он признал, что, применив статью 828, суд не может уже применять ст.774 и уменьшать наказание более чем на две степени, а о таком чрезвычайном снисхождении может только ходатайствовать перед Его Императорским Величеством»[5]. Но при пересмотре Судебных уставов, практика Сената была удержана, и всякие сомнения в этом отношении устранены предполагаемым новым изложением текста ст.774: «При определении наказания по закону, по делам, решаемым без участия присяжных заседателей общего состава или с их участием, суду предоставляется право по обстоятельствам, уменьшающим вину подсудимого, смягчать наказание...». В случае ходатайства перед Императором о чрезвычайном снисхождении или помиловании суд, согласно ст.798 Устава уголовного судопроизводства и разъяснениям Правительствующего Сената, должен был в своем приговоре, во-первых, изложить, какому наказанию подлежит привлечению виновный за совершенное им деяние, исчерпав в этом отношении все предоставленное суду право на уменьшение наказания; во-вторых, привести подробное обоснование тех исключительных обстоятельств данного деяния, в силу которых, применение к виновному даже пониженного наказания не соответствовало бы требованиям справедливости и на которых основывается ходатайство суда о императорском милосердии; и в-третьих, с точностью определить, ходатайствует ли суд о полном помиловании или только о смягчении наказания; в последнем случае суд должен прямо указать, какое именно наказание предполагал бы он назначить подсудимому.

Согласно ст.775, право на заявление вышеуказанного ходатайства

принадлежало только коронному суду, но при пересмотре Судебных уставов комиссия признала целесообразным распространить такое право и на присяжных заседателей ввиду того, что право признания заслуживающим снисхождения и уменьшение ответственности по ст.828 Устава уголовного судопроизводства не представляется достаточным.

Отсутствие у суда возможности снизить наказание более чем на 2 степени имело исключение, а именно, согласно ст.135 Уложения о наказаниях, в случае смягчения наказания за преступления и проступки печати.

В 1903 году было принято новое Уголовное Уложение. Статья 53 Уголовного Уложения 1903 года указывала, что лицу, признанному присяжными заслуживающим снисхождения:

1) не может быть назначена высшая мера наказания за данное деяние в законе установленная;

2) при определении в законе низшего предела наказуемости, суд может уменьшить наказание до низшего законного размера данной карательной меры;

3) при отсутствии определения о низшем пределе наказания за данное преступление, суд может уменьшить наказание до низшего законного размера данной карательной меры и, за исключением перечисленных в последней части данной статьи случаев, даже перейти к более мягкой карательной мере, в следующей последовательности: от смертной казни к каторге без срока или сроком от 10 до 15 лет; от бессрочной каторги к срочной; от срочной каторги к исправительному дому; от ссылки на поселение к крепости на срок не ниже одного года; от исправительного дома к тюрьме; от тюрьмы к аресту.

Признание наличия обстоятельств, уменьшающих вину, влечет по Уложению тройные последствия.

Во-первых, виновный не может быть подвергнут высшей мере наказания, назначенного в законе за это преступное деяние; так, если за данное деяние назначена каторга не свыше 10 лет, то он, ввиду ст.22 проекта, не может быть приговорен к каторге свыше 9 ½ лет; если назначен исправительный дом на срок не свыше 3 лет, то суд не может назначить его свыше 2 лет 11 месяцев и т.д. При этом в тех случаях, когда назначенное в законе за данное деяние наказание неизменяемо - смертная казнь, каторга без срока или поселение, то суд обязательно переходит к следующему роду.

Во-вторых, ввиду этих обстоятельств суд может спуститься до низшего предела наказания, установленного в законе за данное преступное деяние.

В-третьих, если в законе назначен особый определенный минимум, то суд, переходя за него, может прийти до общего низшего предела данного рода наказания; так, если в законе назначена за данное деяние каторга не ниже 10 лет или тюрьма на срок не ниже 6 месяцев, то суд может прийти до общего низшего предела этих наказаний, т.е. назначить каторгу на 5 лет, тюрьму на 2 недели, но не может перейти к следующему низшему роду наказания; если же в законе за данное деяние особого низшего предела не

установлено, а таковым является общий низший предел этого рода наказания, то суд может перейти и к следующему низшему роду в указанной законом постепенности, а именно: от смертной казни - к каторге без срока или на срок от 10 до 15 лет; от каторги без срока - к каторге срочной; от каторги срочной - к исправительному дому; от поселения - к заключению в крепость на срок не ниже одного года; от исправительного дома - к тюрьме; от тюрьмы - к аресту. В этом последнем случае закон не упоминает о трех наказаниях, при которых, следовательно, суду не предоставлено право перехода к другому низшему наказанию, а именно: о заточении, аресте и денежной пене. Причина этого, как указано в объяснительной записке, заключается в слишком незначительном общем низшем пределе этих наказаний.

Вплоть до принятия Закона 2 марта 1910 г., присяжным запрещалось знать о наказании из-за опасения, что они будут склонны к его смягчению. Неосведомленность об уголовной санкции не раз приводила присяжных либо к необоснованному оправданию «из боязни, что подсудимого постигнет чересчур суровая кара»[3, с.6], либо к несправедливому обвинению, впоследствии вынуждавшему присяжных заявлять, что «вердикт их - грустная ошибка»[1, с.6].

Законом 2 марта 1910 года присяжные заседатели получили право знать, какое наказание или другие последствия их решения грозят подсудимому[6], - так снимался источник недоразумений, имевших довольно часто место из-за того, что присяжные, имея неверное представление о том, какое наказание грозит обвиняемому, оправдывали заведомо виновных людей. Последнее, конечно, вело к нареканиям и обвинениям заседателей в некомпетентности. «Размеры ожидаемого наказания весьма озабочивают присяжных. Так, по отношению к рецидивистам, обвиняемым в краже и значительное время пробывшим в предварительном заключении, присяжные нередко принимают систему зачета, т.е., признают, что предварительное тюремное заключение явилось для них достаточным наказанием. Соображения относительной справедливости, т.е., забота об одинаковой судьбе равновинных, так сильна в присяжных, что один зачет влечет за собой неминуемо другой; однажды, после зачета предварительного заключения рецидивисту, сознавшемуся и оправданному в совершенной им третьей краже, было поставлено на проверку этого положения дело другого рецидивиста: присяжные после долгого совещания вынесли вопросный лист, на котором было записано и затем зачеркнуто «виновен», а ниже приписано «невиновен» [2, с.37]. О вине лица присяжные заседатели судили с точки зрения системы ценностей, заложенных в общественном правосознании. Но подсудимый приговаривался к наказанию, предусмотренному не общественным правосознанием, а законом. Именно поэтому присяжным было важно знать степень соответствия своего вердикта и уголовной санкции. Не случайно, во время судебных сессий многих присяжных замечали в том, что они старались познакомиться с нормами о наказаниях[7, с.33].

Таким образом, можно смело утверждать, что реформа 1864 года создала новую судебную власть, новое представление о законности и правосудии. Вер-

дикты присяжных вынуждали, порой, власть пересматривать устаревшие и неоправданно жестокие законы, являясь при этом средством развития правосознания общества. Кроме того, однозначно следует вывод о том, что возможности влияния присяжных заседателей на возможное наказание, значительно превышают те возможности, которые предоставлены присяжным заседателям по ныне действующему Уголовному кодексу РФ.

Литература

1. *Абрамович К. Общественно-юридические картинки // Судебная газета. 1887. № 2.*
2. *Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.*
3. *Викторский С.И. О резюме председателя // Русская мысль. 1895. №4.*
4. *Джанишев Г. Эпоха великих реформ. Исторические справки. М., Типо-литография товарищества Ист..Н. Кушнерев и Ко, 1900 г. С. 452*
5. *Таганцев Н.С. Курс уголовного права// Система Гарант*
6. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. - № 33152.*
7. *Протокол заседания уголовного отделения юридического общества при Санкт-Петербургском университете 21 мая 1877 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. Кн. I.*

Bibliography

1. *Abramovich K. Social and legal pictures // Judicial newspaper. 1887. No. 2.*
2. *Bobrishchev-Pushkin A. M. Empirical laws of the Russian jury. M., 1896.*
3. *Viktorsky S.I. On the chairman's summary // Russian thought. 1895. No. 4.*
4. *Dzhanshiev G. The era of great reforms. Historical references. M., Typolithograph of the partnership Ist..N. Kushnerev and Co, 1900, S. 452*
5. *Tagantsev N.S. Criminal Law Course // Garant System*
6. *Complete collection of laws of the Russian Empire. Third meeting. -No 33152.*
7. *Minutes of the meeting of the criminal department of the legal society at St. Petersburg University on May 21, 1877//Journal of civil and criminal law. 1878. Book.I.*